

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ БРАНДА.

Исключительное значение по своей важности въ разрѣшеніи вопроса о церкви занимаетъ драма Норвежскаго писателя Ибсена „Брандъ“. Въ этомъ произведеніи Ибсенъ далъ глубокую, яркую оцѣнку современной церковной дѣйствительности, поставилъ діагнозъ религіознымъ недугамъ современнаго человѣчества и пророчески проницательнымъ взоромъ указалъ пути религіознаго возрожденія. Главное лицо пьесы—пасторъ сельскаго прихода, затерявшагося среди горъ и фіордовъ норвегіи, Брандъ. Это человѣкъ столь же суровый какъ и природа его родины, сильный духомъ какъ мощная скала, проникнутый страстнымъ религіознымъ стремленіемъ. Онъ слишкомъ глубоко чувствовалъ паденіе человѣчества, отклоненіе его отъ истиннаго религіознаго пути, полное отданіе себя буднямъ жизни. И какъ пасторъ, служитель Божій, Брандъ взялъ на себя подвигъ поднять человека изъ самой глубины его паденія, создать изъ будней его жизни праздникъ. Путь тяжелый и тернистый, исполненный кровавыхъ, крестныхъ страданій, по которому Брандъ пошелъ къ достиженію поставленной имъ цѣли, и является содержаніемъ драмы. Солнце драмы, центръ ея — Брандъ. Истолкованіе этого образа служитъ ключемъ къ постиженію религіи драмы. Въ цѣляхъ ясности и правильности этого толкованія я воспользуюсь сравненіемъ Бранда съ родственнымъ ему по духу евангельскимъ образомъ Іоанна Предтечи. Между Брандомъ и Іоанномъ болѣе чѣмъ сходство. Это органически родственныя другъ другу натуры, родныя по характеру, вѣрѣ и перспективѣ, въ которой слагалась ихъ дѣятельность.

Иоаннъ былъ суровый подвижникъ. Онъ всю жизнь провель въ пустынѣ. Питался акридами и дивимъ медомъ. Одеждой ему служила верблюжая шерсть. Въ суровыхъ подвигахъ Иоаннъ закалилъ свою волю. Подчеркивая это могущество воли Иоанна и соединенное съ нимъ величiе духа, Христосъ въ бесѣдѣ съ iудеями спрашиваетъ ихъ о Иоаннѣ: „кого ходили смотрѣть въ пустыню, трость ли вѣтромъ колеблемую, человѣка ли одѣтаго въ мягкiя ризы?“ Воля же Иоанна привела его къ столь трагической развязкѣ — смертной казни.

Такой же силой, могуществомъ духа подвижника, всю жизнь созерцавшаго безбрежность и тишину пустыни, вѣетъ отъ Бранда. Это грозная скала изъ гранита и мрамора. Ничто не въ силахъ сломить его желѣзную волю. Онъ перенесъ смерть матери, лишенной покаянiя, смерть малютки сына, и наконецъ смерть страстно любимой жены. „Самъ Богъ, говоритъ о себѣ Брандъ, далъ мнѣ мечъ свой — слово, зажогъ во мнѣ костеръ своего гнѣва и я стою во всеоружii моей воли! Теперь я все дерзну, я въ состоянii разрушить скалы“. Порой въ Брандѣ трудно видѣть человѣка. Это скорѣе символъ, въ который облечена мечта художника. И только въ минуты слабости — впрочемъ быстротечныя какъ облако гонимое бурей—когда, напр., Брандъ хочетъ оставить приходъ, чтобы спасти своего ребенка отъ грозящей ему смерти, или когда онъ съ чувствомъ блуднаго сына пытается въ молитвѣ пасть предъ Богомъ, какъ предъ отцомъ—онъ ближе, роднѣе намъ. Но эта близость, родственность по слабости и есть главная опасность, на борьбу съ которой Брандъ отдалъ всю свою жизнь.

Богъ Иоанна — Богъ гнѣва, силы и справедливости. Съ людьми онъ поступаетъ какъ съ пшеницей—зерно отбираетъ въ житницы, а солому сжигаетъ огнемъ неугасаемымъ. Это мудрый дровосѣкъ, безошадно срубающii и бросающii въ огонь всякое дерево неприносящее добраго плода. Ревность Его о правдѣ безпредѣльна. Онъ можетъ людей, совратившихся съ истиннаго пути и не принесшихъ плодовъ достойныхъ покаянiя, отвергнуть и на мѣсто этого рода, равнѣ имъ избраннаго и взлелѣяннаго, изъ камней создать новое чело-вѣчество.

Богъ Бранда—„вsesильный, грозный царь“.

хвалить безъ трепета“. „Видѣвшій лицо Его долженъ умереть“. „Законы Его царятъ надъ нами“. „Онъ неумолимый судія“, карающій грѣхи отцовъ даже до третьяго поколѣнія. „Любовь Его ласкова до крови, жестока до смерти“. Богъ Бранда тотъ Богъ, которому Сынъ, обливаясь кровавымъ потомъ, молился въ саду Геосиманскомъ „Отче, да минуешь меня чаша сія“. „Развѣ, спрашиваетъ Бранъ, Отецъ отнялъ чашу отъ устъ Сына? О, нѣтъ! Сынъ долженъ былъ испить ее до дна“.

Іоаннъ проповѣдуетъ покаяніе. „Покайтесь: приблизилось царствіе Божіе“. „Сотворите плоды достойные покаянія“. Такъ обращался Іоаннъ къ приходившимъ послушать его и крестилъ слѣдующихъ его проповѣди „крещеніемъ покаянія“.

Тоже покаяніе служитъ пищею слову Бранда. Брандъ бичуетъ слабости человѣческія, грѣхи воли, „искажающія образъ Божій“. Онъ зоветъ людей очистить волю отъ отягчающихъ ее привязанностей, которыя, нанизавшись на нее, влекутъ ее къ землѣ.

— „Несчастливая! ужели ты не видишь? Ты искажила Божій образъ, погрузила его въ болото и запятнала грѣхомъ ввѣренную тебѣ душу“. Это говоритъ Брандъ своей матери, ставя ей единственное условіе для полученія прощенія и причастія—съ корнемъ вырвать этотъ ея грѣхъ. Такими же „несчастливыми грѣшниками“ были для Бранда и всѣ люди, отъ которыхъ онъ требовалъ того же, что и отъ матери, съ корнемъ вырвать ихъ грѣхи. Брандъ требуетъ безупречной праведности, ослѣпительной бѣлизны воли, ибо только чистая, безгрѣшная воля, а она же и могущественная, такъ какъ не расходуетъ на постороннія грѣховныя привязанности, дѣлаетъ человѣка достойнымъ общенія съ Богомъ.

Отмѣченныя черты духовной родственности Іоанна и Бранда указываютъ, что Брандъ, какъ и Іоаннъ, является провозвѣстникомъ началъ ветхозавѣтныхъ. Какъ и Іоаннъ онъ служителъ Іеговы, Бога правосудія, не новозавѣтнаго Отца, а ветхозавѣтнаго Царя.

Но продолжимъ сравненіе. Іоаннъ стоитъ на рубежѣ ветхаго и новаго завѣта. Его покаяніе было приготовленіемъ народа Еврейскаго къ принятію грядущаго Христа. Подобное же положеніе занимаетъ и Брандъ. Онъ также стоитъ на границѣ двухъ завѣтовъ—у входа въ новый Христовъ

завѣтъ и также проповѣдуетъ покаяніе, очищеніе воли отъ всего ея загрязняющаго—дабы возвести человѣка изъ самой глубины паденія на такую высоту, гдѣ онъ въ правѣ называть Бога своимъ Отцомъ. Эта сторона дѣятельности Бранда является основной, опредѣляющей характеръ и цѣль его подвижничества.

Брандъ начинаетъ съ критики, тщательнаго анализа современнаго христіанства и приходитъ къ такому рѣшительному заключенію: люди слишкомъ поторопились записать себя въ христіане. Они назвали свою культуру, государство общество и церковь—христіанскими. Въ существѣ же своемъ эти созданія современнаго человѣчества слишкомъ чужды христіанства.

Ничто такъ не губитъ истину какъ всеобщее ея признаніе. Это любимая мысль Ибсена. Но и справедливая. Правда ея сказалась на судьбахъ христіанства, что такъ прекрасно выразилъ Гарнакъ въ одной изъ своихъ лекцій „О сущности христіанства“. Онъ говоритъ: „Когда прошли уже второе и третье христіанскія поколѣнія, когда сотни и тысячи принадлежали къ новой религіи, уже не вслѣдствіе обращенія, а по преданію и рожденію,—вопреки изреченію Тертулліана: „христіане становятся, а не рождаются“, когда на ряду съ тѣми, которые завоевываютъ себѣ вѣру какъ добычу, появляются въ большомъ количествѣ и такіе, которые крѣпко держатся за нее какъ за внѣшнюю одежду,—тогда въ сферѣ религіи сейчасъ же наблюдается рѣзкій поворотъ. Изъ области живого чувства и сердца религія переходитъ въ бытъ и становится такимъ образомъ религіей внѣшней формы“ (135 с. изд. „Логосъ“). Христіанство, признанное человѣчествомъ, не растворилось въ жизни. Оно вылилось изъ глубокаго русла рѣкъ, прорытыхъ мучениками и подвижниками первыхъ дней христіанства, и разлившись по широкимъ лугамъ и долинамъ какъ весенняя вода, испарилось подъ лучами солнца; лишь маленькія капельки этой воды кое гдѣ остались въ сердцахъ человѣческихъ, которыя эти люди приберегли для праздничныхъ дней. И что же случилось? Люди во всей своей массѣ остались все тѣмъ же „прахомъ земли“, чѣмъ были до Христа. Но они воздвигли церкви, которыя назвали Христовыми и въ которыя они вошли только своею

внѣшностію. Полный путь Христовъ, крестъ Его имъ быть не по силамъ. Они отказались нести его. Какъ горькіе плоды они снаружи обвалялись сладостію сахара новой религiи и этотъ бѣлый налетъ, стереть который достаточно слабого прикосновенія, они назвали „гуманностію“. Въ кѣдрахъ же, властительницами жизни остались все тѣ же силы, что и въ мірѣ языческомъ. Таже страшная борьба сильнаго со слабымъ устроила жизнь государственную, общественную и личную. Словомъ все осталось по старому—горечь не замѣнилась сладостію, родилась только новая ложь—„гуманность“, которая заволакивала глаза человѣку, говоря ему своей казовой внѣшностію, что міръ нашъ, наше общество и государство христіанскія. Эта ложь и стала ученіемъ человѣческой церкви. Эта ложь успокаивала умы массъ, отвлекая ихъ отъ мысли, что дѣло то Христово еще собственно и не начиналось, что крестъ Христовъ не поднять—міръ не превращенъ въ храмъ. Гуманная церковь говоритъ: это и не нужно, это не по силамъ слабому человѣческому роду. Достаточно того, что люди построили храмы, бываютъ въ нихъ по праздникамъ и тамъ думаютъ о Богѣ. На будни же можно загасить праздничный свѣтильникъ, отдавъ эти дни заботамъ житейскимъ. Такъ родилась новая ложь—компромиссъ: можно быть христіаниномъ и не жить по евангелію.

Полнымъ завершеніемъ этого гуманнаго христіанства явилось представленіе—о Богѣ какъ о добродушномъ сѣденькомъ старичкѣ, который такъ любитъ прощать;—о церкви какъ о кроткой, беззубой старушкѣ (не для всѣхъ впрочемъ, а для тѣхъ только, кто не врывается подобно бушующему вихрю въ оберегаемую стѣнами область церковной нивы и не несетъ съ собой властный призывъ къ пробужденію, къ строгой переоцѣнкѣ нажитаго);—наконецъ, о любви, какъ о силѣ только развращающей человѣка, ибо что другое можно и ожидать отъ такой любви, которой, говоритъ Брандъ, „съ сатанинской хитростію прикрываютъ немощь воли и то, что жизнь людей насмѣшка и обманъ. Если путь крутъ и труденъ, укоротимъ его—*любовью*; идетъ ли человѣкъ широкой стезей грѣха, есть всетаки надежда для него въ *любви*: увидѣлъ ли онъ цѣль и смыслъ жизни, но повернулъ обратно, онъ еще можетъ побѣдить *любовью*; сбился ли онъ съ вѣрнаго пути, узнавъ его, для него все же есть убѣжище—*любовь*“.

Такова въ общемъ точка зрѣнія Бранда на современное христіанство. Брандъ не принялъ этого христіанства. Онъ отвергъ искаженные людьми образы Бога, любви и церкви, отвергъ и создавшего эти образы „гуманнаго“, „съ закругленными углами“ христіанина, подобно тому, какъ сказано въ Апокалипсисѣ: „о, еслибы ты былъ холоденъ или горячъ, но такъ какъ ты ни холоденъ ни горячъ, то я изблюю тебя изъ устъ моихъ“. „Коли хочешь быть христіаниномъ будь имъ до конца“. „Хочешь быть сыномъ праха, будь имъ во всемъ“. Только та церковь можетъ быть названа Христовой, въ которой Христосъ царствуетъ, Христосъ владѣетъ людьми, но владѣетъ во всемъ. И Брандъ ведетъ людей въ другой, болѣе просторный храмъ, своды котораго способны освѣтить „не только вѣру и догматы ея, но все чему далъ Господь право жизни—нашущную борьбу съ утра до ночи, вечерній отдыхъ, печали жизни, ея радости, все малое и цѣнное, что живетъ въ душѣ человѣка... Церковь Божія не имѣетъ ни границъ, ни предѣловъ. Ея помость—зеленѣющая нива, болото, лугъ, море, фіордъ; одно лишь небо служить ей сводомъ. Только подъ сводами этого храма вся жизнь сольется съ вѣрой, земныя заботы съ стремленіемъ къ звѣздамъ“.

Путь въ этотъ храмъ—воля. „Только воля способна утолить жажду вѣчной правды“. Но не тщедушная, изнеможенная воля, а очищенная, возрожденная, какъ пробудившійся молодой левъ. Волю человѣка, извращенную компромиссомъ и гуманностью вѣка, Брандъ считаетъ необходимымъ ввести въ русло ветхозавѣтной законности, дабы пройдя этотъ путь жестокаго искуса, она вернула бы утраченный человѣкомъ образъ и подобіе Божіе; а любовь къ такому слабому человѣку должно замѣнить „ненавистью“. Но не тою, что таитъ въ себѣ сатанинскій смѣхъ Меѣистофеля, а святымъ чувствомъ ветхозавѣтнаго гнѣва, о которомъ сказано: „кого Богъ любить, того и наказуетъ“.

Ветхозавѣтный Іегова явилъ себя кузнецомъ, ковавшимъ желѣзную человѣческую волю. Для человѣка того времени спасеніе заключалось въ вѣрномъ и точномъ соблюденіи Божественныхъ законовъ, которые какъ ледяные кристаллы отражали въ себѣ лучи солнца, грядущаго Христова лѣта. Вѣрность закону ветхозавѣтный человѣкъ могъ соблюсти, обладая правой, согласной съ закономъ волей, которую зака-

лялъ Богъ Синаю мечемъ и кровью. Взгляните, хотя мелькомъ, на страницы иллюстрированной ветхозавѣтной библіи. И вы поразитесь отъ запечатлѣвшагося на этихъ страницахъ ужаса. Они залиты кровью, запятнаны убійствомъ карающей десницы Бога правосудія. Хотя ветхій завѣтъ, какъ предшествующая христіанству эпоха, является уже пережитымъ исторіей, тѣмъ не менѣе психологическая сила и дѣйственность природы ветхозавѣтной религіозности еще до сего времени не изжита. Эта мысль была царственной идеей Бранда.

Иго ветхозавѣтной законности Брандъ возлагаетъ не на другихъ только—первый онъ подымаетъ его самъ.

Художественную драму ничто не можетъ такъ ярко и глупо изобразить, какъ только сцена. Тамъ низводитъ на зрителя живую силу драмы живое сценическое дѣйствованіе. Для „Бранда“ это особенно становится ощутительнымъ въ IV-мъ актѣ. Это самый центральный актъ, сердце пьесы. Агнесъ и Брандъ переживаютъ канунъ рождества. У нихъ нѣсколько дней тому назадъ умеръ сынъ, котораго Брандъ принесъ въ жертву спасенію—не за себя, а главнымъ образомъ за другихъ, ибо Брандъ стоялъ какъ возженный на горѣ свѣтильникъ, видимый всѣми. Душа Агнесъ полна кровавыхъ слезъ. Она до галлюцинацій грезить ребенкомъ. Но Брандъ не умолимъ. Онъ терзаетъ печаль Агнесъ, раздирая раны матери и изъ нихъ уже не сочится, а ручьями течетъ кровь. Брандъ не даетъ матери даже взглянуть въ окно при свѣтѣ лунной ночи на могилку сына. А вотъ забѣгаетъ къ нимъ нищая—цыганка. Она видитъ, какъ Агнесъ плачетъ надъ одеждой умершаго ребенка. „Дай мнѣ это“—проситъ нищая. И Брандъ велитъ Агнесъ отдать этой женщинѣ *все*, что осталось несчастной матери на память отъ сына: рубашечки, лифчики, чулочки, платица... И даже послѣдній чепчикъ, смоченный предсмертнымъ потомъ ребенка и тотъ былъ принесенъ въ жертву неумолимому закону. Это былъ вырванъ послѣдній корень, глубоко засѣвшій въ волю и лишившій ее полной свободы. Отдавъ дѣтскій чепчикъ, Агнесъ почувствовала бурный приливъ радости. „Я свободна“. Она уже все совершила, она прошла свой тяжелый путь, полный жертвенныхъ подвиговъ. Она отказалась отъ семьи, родныхъ, жениха; она ушла отъ веселой, какъ вѣчный праздникъ, жизни; и все это она сожгла на жертвенникѣ Бранда, — въ

этомъ прижавшемся къ скаламъ ущелья домикъ пастора, окна котораго никогда не видѣли солнца. На томъ же жертвенникѣ былъ закланъ и ея малютка ребенокъ и даже ея материнское воспоминаніе о немъ.

— Я свободна! полная дивныхъ восторговъ говорить, хочется сказать „святая“, Агнесъ. Но побѣда досталась не легко. Борьба изнурила силы Агнесъ, и чуткій слухъ женщины слышитъ уже костлявое постукиваніе смерти.

— Брандъ, говоритъ она, теперь ты стоишь на распутѣ; теперь ты долженъ выбирать между мной и смертію

— Для меня нѣтъ выбора! Ясно, голосомъ полнымъ силы произносить Брандъ.

Когда я смотрѣлъ эту сцену, я чувствовалъ ужасъ, тотъ ужасъ, котораго были полны жилища ветхозавѣтныхъ людей. Этимъ религіознымъ страхомъ былъ наполненъ и домъ пастора. Въ полумракѣ, подъ низкимъ потолкомъ, казалось, витали тѣни ветхозавѣтныхъ проклятій. Они стучались и рождался сплошной, рвущійся изъ глубины души, стонъ, стонъ ветхозавѣтнаго человѣка, давимаго бременемъ закона. И какое огромное благо — новозавѣтныя стихіи! Я едва ли не въ первый разъ, сидя на скамьѣ театра, ощутилъ такъ глубоко бездну отдѣляющую ветхій завѣтъ отъ новаго. Тамъ проклятія и надежды; зима все сковавшая льдомъ. Здѣсь радость воскресенія, блистаніе солнца, тепло, ручьи, жужжаніе пчелъ и это восторженное пѣніе: „Христосъ Воскресе.“ И страшно становилось за художника, страшно за его образъ—Бранда. Казалось, зачѣмъ, зачѣмъ возвращать эту бездну проклятій? — И уже не самъ ли адъ выславъ изъ души художника, полного сатанинской силы, Бранда. Но это только непродолжительное переживаніе. А далѣе взоръ, направленный властной силой художника, устремляется отъ поверхностнаго скользенія надъ жизнью въ глубь, въ самыя нѣдра жизни.

— Все бремя жизни вы возложили на одного, того, кто нѣкогда понесъ страданія за всѣ неправды человѣческія чтожь? Вамъ осталось плясать и веселиться, живя на чужой счетъ.

Съ такимъ упрекомъ Брандъ, обратился къ Эйнару, который только взоромъ художника, созерцающаго красоту формъ, скользилъ надъ жизнью.

— Нѣтъ, говорилъ Брандъ своей матери, этой величайшей въ его глазахъ грѣшницѣ, наказаніе отвѣтственность за растрату ты должна нести сама. Христось возродилъ васъ. Онъ обновилъ ваши силы, освятивъ своимъ воплощеніемъ всю природу, дабы вы могли бороться съ грѣхомъ, съ пошлостью жизни, которая, какъ плѣсень, какъ ржа разъѣдаетъ бѣлоснѣжный мраморъ вашего духа, — и изъ этой борьбы могли выходить побѣдителями. Но Христось Самъ же говорилъ: „кто хочетъ за мной итти, долженъ взять свой крестъ“. Брандъ поднялъ этотъ крестъ. Онъ жаждалъ распяться со Христомъ, взойти въ глубину Голгоѣской жертвы. Но вѣдь Голгоѣа была завершеніемъ ветхо-завѣтной жертвенности, ибо только убійство, ни въ чемъ не повинныхъ животныхъ за грѣхи людей связывало ветхозавѣтную правду съ Голгоѣой на которой былъ закланъ чистѣйшій агнецъ. И потому, чтобы войти въ глубину Голгоѣы, Брандъ углубилъ себя въ жертвенность ветхозавѣтную. И этой жертвы онъ жаждалъ, какъ высочайшихъ переживаній. „На крестномъ древѣ умереть еще не мученичество, говоритъ Брандъ; главное *желать* крестной смерти, *желать* при несказанныхъ мукахъ и смущеніи духа. Вотъ *въ чемъ* главный залогъ спасенія“.

Этой стороною своего подвига Брандъ близокъ великимъ подвижникамъ христіанства. Отдавъ всю жизнь свою на служеніе только Богу, эти подвижники восходили „по лѣствицѣ совершенствованія“ ступень за ступеню изъ самой бездны паденія, закаляя духъ свой и волю жертвеннымъ самозакланіемъ, которое, начинаясь, какъ бы въ ветхомъ завѣтѣ, бorenіемъ и распятіемъ плотскихъ вожделѣній, постепенно восходило на высоту Голгоѣы новозавѣтной, и подвижникъ, становясь сопричастникомъ чаши Христа, какъ Бога безгрѣшнаго, страдающаго за чужіе грѣхи—уже земными очами видѣлъ свѣтъ воскресенія. Это и есть путь воли Бранда, путь очищенія ея отъ всего ее затемняющаго, дабы, омытая крестнымъ покаяніемъ, она сдѣлалась сопричастницей таинъ воскресенія.

Рѣшившись остаться пасторомъ въ родномъ приходѣ—съ какого момента и начинается драма, Брандъ обращается къ прихожанамъ съ вдохновенными словами: „Приходите же

люди, бѣдные скитальцы моей родины—этой долины, замкнутой въ кольцо суровыхъ скалъ; мы попытаемся приступить къ дѣлу очищенія, дабы *стать скрижалю, на которой Богъ начертаетъ свое слово*“. Послѣ этого провозглашенія для Бранда и его прихода начинается зима ветхозавѣтнаго служенія. Для паствы такъ лѣто и не пришло. Но пасторъ увидѣлъ лѣто передъ смертію, когда жертвенный путь его былъ пройденъ.

Оставленный паствой, загнанный на дикій утесъ, избитый камнями, Брандъ, не могшій ранѣе молиться и плакать, теперь первый разъ палъ ницъ предъ Богомъ какъ сынъ передъ своимъ отцомъ и, обливаясь слезами, молился. Увидавъ эти слезы, безумная Герда—двойникъ пастыря, поражена и въ изумленіи, дрожа, говоритъ Бранду: „О, почему ты прежде никогда не плакалъ?“

Брандъ (просвѣтленный и сіяющій, какъ бы помолодѣвшій). „Путь зимней стужи ведетъ къ закону; но наконецъ наступаетъ лѣто, и солнце свѣтитъ на небѣ! До сихъ поръ надо было быть скрижалю, на коей Господь могъ начертать свои велѣнія; отнынѣ душа моя должна растаять и разлиться теплою чудной пѣснью! Распался ледяной покровъ,—я могу плакать, я могу преклонить колѣна, я могу молиться. (Падаетъ на колѣни)“.

Это заключительный аккордъ драмы; конецъ того ветхозавѣтнаго бытія, когда сердце человѣка служить скрижалю для начертанія законовъ, и начало новозавѣтной жизни. Для Бранда настало лѣто, онъ получилъ масличную вѣтвь, любви и съ этой вѣтвью вошелъ въ истинную церковь Христову. Къ сожалѣнію художественный театръ выпустилъ эти послѣднія слова Бранда, которыя являются ключемъ ко всей пьесѣ, и тѣмъ лишилъ зрителей возможности оцѣнить „Бранда“ съ точки зрѣнія его автора.

Тѣ божественныя велѣнія, которыя были начертаны на скрижаляхъ сердца Бранда, заключались въ трехъ словахъ: „все или ничего“. Въ этой лаконической формулѣ заключена вся сущность ветхозавѣтнаго законодательства. Законъ требуетъ отъ воли человѣка исполненія всего, что содержится въ законѣ, и всякое, хотя бы самое незначительное уклоненіе отъ закова есть уже нарушеніе его. „Я Богъ твой и да не будетъ у тебя другихъ боговъ“—было написано на

ветхозавѣтной скрижали. Это значило: *только Я и ничто другое* не должно быть твоимъ Богомъ. Всякій идолъ и даже самый ничтожный будетъ уже отступленіемъ, отъ Бога, преступленіемъ, влекущимъ за собою смерть. И такъ со всѣми заповѣдями. „Не убій!“ „не укради!“ Одно убійство, одна кража, похищеніе самой малоцѣнной вещи есть уже неисполненіе *всего* закона, *полное* нарушеніе начертаннаго на скрижаляхъ. Богъ чрезъ Моисея сказалъ своему народу тѣ же три слова „все или ничего“, которыя Брандъ выжегъ на своемъ сердцѣ.

Но вотъ прошла зима. На небѣ засвѣтило солнце. Растаялъ ледъ закона. Потекли живыя воды. И лучи Христовы выжгли новое слово: „свобода познавшему истину!“ Праведникъ свободенъ отъ закона. Ничего не дозволеннаго — все дозволено. И Христосъ идетъ въ дома мытарей, самарянъ, язычниковъ; Онъ ѣстъ съ грѣшниками, не соблюдаетъ субботы... Такъ были разрушены всѣ формы, стѣснявшія волю праведника. Но и не только формы бытія нравственнаго. Христосъ преодолѣлъ и власть законовъ физическаго міра. Онъ ходитъ по водамъ, исцѣляетъ неизлѣчимыхъ больныхъ, воскрешаетъ мертвыхъ, и наконецъ, Самъ распятый, умершій и погребенный, воскресаетъ. Это апогеозъ жизни. Полное торжество свободы надъ всѣми законами. Послѣ этого христіанину не страшны стали никакія слова, никакія формы и поступки, лишь бы они выражали то, что онъ въ себѣ носитъ—Христа. Не стѣсняютъ его свободы уже и ограниченія міра физическаго. Ибо введенный Христомъ въ космическія глубины мірозданія человекъ постигъ дѣйствительность, отъ вѣка созданныхъ, силъ міра, которыя суть мысли Божіи, выраженные Сыномъ, „Имъ же все стало быть“.

Духъ этой безстрашной христіанской свободы прекрасно выраженъ въ сказаніи, которое года два тому назадъ мнѣ пришлось слышать во Владимірской губерніи отъ простой женщины.

Одинъ человекъ искалъ счастья. Всю жизнь онъ искалъ и все не находилъ. Наконецъ, онъ съ горячей молитвой обратился къ Богу. Богъ услышалъ молитву и послалъ ангела. Ангелъ сказалъ человеку:

— Поди на церковную паперть. Тамъ ты найдешь человека, который укажетъ тебѣ путь къ счастью.

Пошелъ человекъ на церковную паперть и видить, стоять нищій во гноищи.

— Добрый день! Говорить ему человекъ.

— У меня нѣтъ недобрыхъ дней, отвѣчаетъ нищій.

— Будь здоровъ!

— Я всегда здоровъ.

— Будь счастливъ!

— Я всегда счастливъ.

— Такъ неужели ты никогда не боишься ада! Воскликнулъ изумленный человекъ.

— Если я пойду въ адъ, отвѣчалъ нищій, то и Христосъ со мной. У меня есть два рамена, которыми я крѣпко привязанъ къ нему. Это—совѣсть чистая, да любовь нелицемѣрная.

Если даже самый адъ не приводитъ въ смущеніе христіанина, то значить: ничто, что бы онъ ни совершилъ, когда то найдетъ нужнымъ его совѣсть чистая и любовь нелицемѣрная,—не смутитъ безстрашно-свободный духъ такого человека. Эта страшная простота и ясность вѣры христіанина таитъ въ себѣ того, кто у источника всѣхъ силъ міра,—человѣка воли Божеской, способной продолжать твореніе,—творца чудесъ. Къ этой благодатной свободѣ и царственному могуществу человекъ и шелъ Брандъ. Это и выразилось въ той чудной пѣснѣ, которая разлилась въ растаявшей груди Бранда предъ его смертію.

Христіанинъ ли Брандъ? Вотъ вопросъ, который задавали себѣ многіе, задумывавшіеся надъ „Брандомъ“.

Христосъ говорилъ о своемъ предтечѣ Іоаннѣ: „изъ рожденнаго женами нѣтъ ни одного пророка больше Іоанна крестителя; но меньшій въ царствіи Божіемъ (т. е. въ христіанствѣ) больше его“. А вотъ, какъ говоритъ о себѣ самъ Іоаннъ, узнавшій, что Христосъ сталъ уже проповѣдывать свое ученіе: „Ему (т. е. Христу) подобаешь расти, мнѣ же уменьшаться“. Тѣ же слова должны быть отнесены и къ Бранду. Говорю это не кощунственно, а съ полнымъ сознаниемъ святости и недосягаемаго величія, предтечи Христова, Іоанна. Человекъ, желающій стать искреннимъ христіаниномъ, долженъ сначала принять въ себя Іоанна—дабы уготовать путь правый, и когда путь будетъ чистъ и прямъ, тогда человекъ тотъ вкуситъ Христа. Но свѣту, возжонному въ чело-

вѣкъ пріяніемъ Христа, уже не нуженъ Іоаннъ—голосъ вопіющаго въ пустынѣ, свѣтъ этотъ самъ всегда будетъ освѣщать путь человѣку. Потому и нужно уменьшаться Іоанну и должно умереть Бранду, когда явится Христосъ и въ душѣ человѣка растаетъ ледъ закона. Потому и больше Іоанна даже послѣдній въ царствѣ христіанскомъ, ибо Іоаннъ только путь, а царство Христово городъ, куда ведетъ этотъ путь.

Іоаннъ не Христіанинъ. Но развѣ онъ не со Христомъ? Брандъ—до слезъ и молитвы,—тоже не христіанинъ, но и онъ, какъ и Іоаннъ, со Христомъ. Только они не постигли еще всей полноты христіанства, которая откроется міру съ пріяніемъ имъ Христа.

Павелъ Любимовъ.
